

В. Ф. ЖИТНИКОВ

**К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ НА -ИХА
НА ТЕРРИТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ
ОБЛАСТЕЙ**

Значительная часть топонимов русского Севера восходит по происхождению к диалектным словам, либо унаследованным от древнерусской эпохи, либо заимствованным из иных языков или диалектов русского языка. В данной статье исследуется лишь небольшая группа подобных топонимов¹, одинаково грамматически оформленных — это существительные женского рода с суффиксом *-их-* и окончанием *-а*.

1. Суффикс *-их-* в русском языке употребляется для образования существительных, обозначающих чаще всего живые существа и лиц женского пола, например: *зайчиха*, *слониха*, *ткачиха*, *купчиха*, *мельничиха*, *щеголиха* и т. д. Имеется также некоторое количество слов с отвлеченным значением (*шумиха*, *неразбериха*). Заметим, что единственным словом мужского рода с суффиксом *-их-* является *жених*.

2. В севернорусских говорах суффикс *-их-* имеет более широкое распространение. Здесь встречаются такие апеллятивы женского рода, как *жаровиха* — клюква, *заманиха* — кофта особого покроя, *копотиха* — коллективная помощь хозяйке дома при трепке льна, *завариха* — суп с поджаренной мукой, *опалиха* — лепешка, испеченная на углях; встречаются и слова общего рода, характеризующие людей: *задериха* — забияка, *неспустиха* — тот, кто не прощает обиды, а лезет в драку и т. д.

3. В диалектной и просторечной среде широко распространены антропонимы женского рода с указанным суффиксом, образованные от основ личных имен, фамилий и прозвищ: жена Ивана — *Иваниха*, Самуила (Самойла) — *Самойлиха*; жена Кузнецова — *Кузнечиха*, Карасева (или Карася) — *Карасиха* и т. п.

Все эти обстоятельства будем иметь в виду при объяснении происхождения топонимов с суффиксом *-их-*. Следует также отметить, что приводимые ниже этимологии мы не считаем беспор-

¹ В статье использованы материалы картотеки Севернорусской топонимической экспедиции.

ными. Данная статья — всего лишь частный опыт этимологического подхода к изучению топонимов с одинаковым грамматическим оформлением.

Абатуриха, д. (Вжг). Ср. *Абатуровка*, д. (Ник), *Абатуровка*, р. (там же). Очевидно, связано с *абату́р* ряз., влд. — упрямец, неслух... наглец, нахал; болван, дурак (Даль, I, 1); *оботу́р* костром., влг., твер. — абатур, упрямец, грубый, упорный и скрытный человек (Даль, II, 612). Происхождение этого слова неясно (Фасмер, I, 56). Территориальные его связи также трудно установить: нельзя сказать, где оно раньше появилось — в севернорусских или в южнорусских говорах, и как распространялось. Интересно, что «Словарь русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова, приводя слово *абату́р*, отсылает к *обату́р* (СРНГ, I, 189), отдавая предпочтение последней разновидности как основной. Но на каком основании это делается, трудно сказать. Таким образом, твердо установленным является лишь факт наличия этого слова в разных говорах. Можно предположить, что его «акающая» разновидность — *абатур* — свойственна южнорусским говорам, а «окающая» — *обатур* — севернорусским; в фонетическом оформлении топонима *Абатуриха*, по-видимому, сказало влияние акающих говоров, откуда мог быть заимствован либо апеллятив (*абатур*), либо антропоним-прозвище (*Абатур*, *Абатуриха*); апеллятив мог послужить основой для образования топонима либо непосредственно (*абатур* → *Абатуриха*), либо через посредство антропонима (*абатур* → *Абатур* → *Абатуриха*). Заимствование самого топонима маловероятно. Отметим, что пути проникновения слов с «акающим» оформлением в севернорусские говоры были различными. Торговые и культурные связи между северными, центральными и южными губерниями России, отход северян на промыслы в столичные и южные города, контакты местного, «окающего» населения с приезжими и ссыльными из разных краев России — все это приводило к отложению «акающего» лексического слоя в севернорусских говорах: салдат, кантора, канфета, калбаса, канфорка, манашка и т. д.

Абрютиха, пустошь (Кадн). Сопоставимо с *обреуток* моск., ряз. — обрюток, толстяк, толстый, обрюзглый ребенок (Даль, II, 615); *обрюта*, *обрюток*, *обреуток* ряз. — обрюзглый, закормленный и золотушный ребенок; толстое, неуклюжее щеня или иное молодое животное (Даль, II, 618). М. Фасмер считает возможным связать это слово с глаголом *брюзгнуть*. Ему возражает О. Н. Трубачев: «Судя по варианту *обреуток*, слово происходит от *обреут* ∟ ревети, рюти. Переход значения «реветь» → «толстый», «обрюзглый», с первоначальным звукоподражательным происхождением и значением. Непосредственного родства между *обрюток* и *брюзгнуть*, вопреки Фасмеру, не существует» (см. Фасмер, III, 108). Хотя, по Далю, слово распространено только в центральных районах России (см. выше), на Север оно могло попасть как в качестве апеллятива, так и в качестве антропонима-прозвища, при-

везенного переселенцами из центральных губерний. Название пустоши *Абрютиха* могло быть образовано как от апеллятива, так и от прозвища *Абрюток*.

Абушиха, пустошь (Кадн). Очевидно, *Абушиха* < *Обушиха* < *обух* — тыл всякого острого орудия, тупеё... тупой, глупый или упрямый человек... (Даль, II, 629). Слово *обух* имеет соответствия в славянских языках: ср. др.-русск. *обухъ*, укр. *обух*, чеш. *obusch* — обух, дубина, словац. *obusch* — дубина, польск. *obusch* — вид топора (Фасмер, III, 109—110). Очевидно, последовательность развития значения такова: обух топора, тыльная, тупая его часть → тупой, глупый или упрямый человек → прозвище *Обух* → топоним *Обушиха* («акающий» вариант *Абушиха*).

Агáрчиха, д. (Карг). Здесь также наблюдается заимствованное аканье: *Агарчиха* < *Огарчиха* < *Огарок* (прозвище) < *огарок* — остаток свечи (Даль, II, 572). Заметим, что фамилии, образованные от прозвищ, в которых отражается аканье, весьма нередки: *Агарков*, *Абрезков*, *Агрызков* и т. д. Вполне допустимо, что одним из переходных звеньев на пути к топониму *Агарчиха* была фамилия *Агарков*, образованная от прозвища *Агарок* < *огарок*.

Аргуни́ха, р. прав. пр. р. Вага. Ср. также *Аргуново*, д. (Ник), *Аргуновский* (вариант *Аргуновщина*), пос. (Вельск). Даль (I, 21) замечает, что «аргунами зовут владимирских плотников». В СРНГ (I, 271) приводится: *аргун* — плотник. «Название получено от местности». При этом слове стоит помета влад. и т. д. Его происхождение неясно. Возможно, оно находится в какой-то связи с *аркать*, *аргать* — громко говорить, кричать, ссориться; лаять, рычать (о собаке) (СРНГ, I, 271, 275). Если принять это предположение, то получится довольно своеобразная картина: *аргун* — тот, кто громко кричит, бранится, ссорится → название местности (топоним) *Аргуны* → прозвище владимирских плотников — *аргуны* → топоним *Аргуниха*.

Базáниха, бол. (Плес); *Базаниха* (вариант *Базанихи Зачинок*), ур. (Тотем). Очевидно, *Базáниха* < прозвище *Базáн* < *базан* — крикун, хвостун, говорун. Вят., арх., влг., горьк., перм., ср.-урал., забайк., иркут., якут. (СРНГ, II, 47; Даль, I, 37). Ср. *базанить* — громко кричать; громко плакать, реветь; буянить, шуметь, стучать и т. д. (СРНГ, там же). Слово *базан* Брюкнером возводится к польскому *bazan* — тромбон (см. Фасмер, I, 105), что сомнительно: слово *базан* распространено только в севернорусских говорах, в украинском и белорусском его нет. Как могло польское слово попасть на Север? Через ссыльных поляков в XVII в.? В СРНГ (II, 47) приводится этимологическая справка (без ссылки на источник): из др.-тюркск. *баian* — громогласный, могучий богатырь. Скорее всего, слова *базан*, *базанить* (ср. также *базонить*, *базынить*, *базлать*; *базоня*, *базыга*, *базло*, *базлан* и др.) восходят к звукоподражательному корню *баз-*. Топоним *Базаниха* мог быть образован как от мужского прозвища *Базан*, так и от женского *Базаниха* (ср. *Базанихи Зачинок*).

Байниха, р., прав. пр. р. Сефтра. Ср.: *Байны*, д. (Кр-Бор); *Баенка*, д. (Пин); *Баенный*, нав. (Пин). Все эти топонимы восходят к *байна* — баня, известному в архангельских, вологодских, новгородских, псковских, олонечских, тверских, смоленских, сибирских и некоторых других говорах (СРНГ, II, 56).

Басиха, д. (Вельск); *Басиха*, руч. (там же). Ср.: *Басинка*, руч. (Уст), *Басино*, д. (Волог), *Баские*, ур. (там же), *Баской*, руч. (Тотем), *Баское*, оз. (Мез). Указанные топонимы связаны общим корнем с апеллятивом *баса* — красота. Ср. *баской* — красивый, *баско* — красиво, *басина* — то же, что *баса*, *баситься* — наряжаться, франтить, хорошо одеваться и т. д. (СРНГ, II, 127, 131 и след.). Слово *баса*, очевидно, принадлежит к индоевропейскому фонду (Фасмер, I, 130). Топоним *Басиха*, по всей вероятности, образован от апеллятива *баса* без посредства антропонима.

Безгачиха (вариант *Безгачево*), д. (Ник). Название происходит, видимо, от прозвища *Безгачий* — «бесштаный», т. е. голый, бедный, неимущий. Ср.: *гачи* — бедра, ляжки; штаны; штанина, штанины (СРНГ, VI, 154).

Биричиха, н. п. (В-Устюг). Ср. также: *Биричёво*, д. (Приморск). Указанные топонимы, очевидно, восходят к апеллятиву (или к прозвищу, образованному от него) *бирюч* (ср. др.-русск. *биричь*, *бирючь* — полицейский чиновник, которому поручалось, между прочим, объявлять народу распоряжения властей (Срезневский, I, 87); *бирюч* — 1. Зов, призыв. В Вологодской губернии сохранилось слово *бирюч* в значении клика, клича, взывания; 2. Лицо, объявлявшее на улицах о каком-либо правительственном распоряжении, а также о предстоящем церковном ходе. Рыбинск. (СРНГ, II, 295). Это слово имеет соответствия в других славянских языках (Фасмер, I, 167).

Буториха (вариант *Буторинская*), д. (Онеж). Может восходить к прозвищу *Бутора* (ср. *бутора* — болтливый, говорящий невпопад; *буторить* — говорить невнятно; болтать, говорить вздор; ругать кого-либо; лгать (СГСУ, I, 63) или к фамилии *Буторин* (ср. вариант *Буторинская*). *Буториха* — местность, участок, принадлежавший *Буторину* (или *Буторе*). Ср. также *бутор* — бред, особенно горячечный; шум, гам, крик; все внутренности животного; бусырь, хлам, скарб, пожитки; шарабара, все принадлежащее к дому и хозяйству (Даль, I, 145).

Ватблиха, пож. (Кадн). Ср. *Ватблина*, н. п. (Волог). Очевидно, восходит к *ватбла* — 1. грубая пеньковая или льняная ткань, дерюга; изделие из такой ткани; верхняя (стеганая) одежда из грубой ткани; ветхая одежда; 2. болтливый человек, болтун, болтунья; неряшливая хозяйка, неряха, грязнуля (СРНГ, IV, 72). Отметим, что значения «грубая ткань», «ветхая одежда» свойственны большей частью южнорусским говорам: рязанским, тамбовским, пензенским, воронежским, донским; но встречаются и в вятских, уральских (реже). Группа переносных значений свойственна се-

верным и восточным говорам: олонецким, курганским, пермским, сибирским. Определить, какое значение легло в основу топонима, затруднительно (может быть, одно из переносных значений: «болтун», «неряха»?). Вероятно, и здесь опосредующим звеном служил антропоним-прозвище.

Вёрзиха (вариант *Вёрзина*), пож. (Кадн). Здесь обнаруживается тот же корень, что и в глаголе *вёрзть* (и *верзти́*, юж.) — говорить или делать что-либо продолжительно, но беспутно, бес-толково; врать, лгать, бредить, городить пустяки (Даль, I, 181); первоначальное значение — вязать (см. Фасмер, I, 298). К этому же корню восходят: *отверзать*, *разверзнуться*; *верзила* — высокий и неуклюжий человек; глуповатый, неспособный человек, *верзиться* — упасть, повалиться; лазать по деревьям; сниться; грезиться, мерещиться; *верзни* — берестяные лапти (СРНГ, IV, 146). Можно предположить, что в основе топонима *Верзиха* лежит антропоним-прозвище со значением «тот, кто верзит» (*Верзя?*) — ср. вариант *Верзина*.

Гош́лиха, д. (Вжг). Ср.: *Гош́ловская*, пож. (Кадн). Вероятно, от прозвища *Гош́ло* — «тот, кто гошит». *Гошить*, *гоношить* новг., пск. — готовить или припасать, копить, готовить (Даль, I, 388); готовить обед, собирать в дорогу (яроsl. СРНГ, VII, 101).

Гош́иха, пустошь (Кадн). Очевидно, связано с предыдущим (от гошить).

Гриба́ниха, д. (Онеж). Ср.: *Грибаново*, д. (Конош). От прозвища *Грибан* (Ср. грибан — 1. человек с толстыми губами. Пск. 2. угрюмый, вечно недовольный человек. Арх. СРНГ, VII, 140).

Гри́диха, н. п. (Шенк.). Образовано от личного имени *Гридя* (уменьшит. от Григорий), широко распространенного на Севере.

Дербен́иха, н. п. (В-Т). Исходя из формы, топоним можно возвести либо к прозвищу *Дербень* (ср. *дёрбень* — птица, похожая на ястреба. Калуж; 1. *дербень* — изба при мельнице, в которой жил мельник. Вят; 2. *дербень* — самый толстый льняной холст. Перм; неуклюжий, мешковатый человек. Яроsl.; здоровый, рослый парень. Пск. (СРНГ, VII, 6), либо к апеллятиву *дербинá* — то же, что *дербá* — сильно заросшая залежь, влг.; залежь, сильно задерневшая, с моховиной и кочкарником, который надо сдирать, арх., влг. (СРНГ, VIII, 6). Какой вариант предпочтительнее, сказать трудно.

Жаров́иха, поле (Мез). В севернорусских говорах *жаравиха* и *жаров́иха* — клюква (СРНГ, IX, 73). По нашему мнению, восходит к *жар* (по ярко-красному, «жаровому» цвету ягод)². Поле могло быть названо по бывшему обилию ягод на нем. Участок могли раскорчевать, болотистые места осушить, но название места могло остаться.

Залóмиха, д. (Вельск). Ср.: *Залóмские Ляги*, ур. (Тарног);

² См. об этом: Н. П. Гринкова. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках. — В сб.: Славянская филология, вып. 3. М., 1958, стр. 114; В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 216—217.

Заломское, оз. (Шенк). В словаре Даля (I, 596) приведено: «*залом* — уступ, увал, терраса;... поворот реки, дороги; спертые льдины, которые становятся шатром, громоздятся, загораживают русло; пск. самое время и состояние взлома льда, вскрытие рек; «дружный, недружный залом»; нанос пней, деревьев, хвороста, который, спираясь в узком месте, образует род плотины или плоти в водополь; такой же застой сплавляемого россыпью леса, где он сопрется в берегах». По всей вероятности, в основу указанных выше топонимических названий положено последнее значение («нанос пней, деревьев, сплавляемого леса»). Сплав леса по рекам — один из важнейших промыслов на Севере, и такая характерная примета реки, как «заломистость» в отдельных местах, вполне могла найти отражение в названиях близлежащих полей, деревень и т. д. С другой стороны, в некоторых говорах есть слово *ломы* — поемный, заносный луг с кустарником и дрязгом, пск., твер. (Даль, II, 265). Его тоже следовало бы учесть как возможный источник происхождения топонимов *Заломиха*, *Заломское*, *Заломские Ляги*. Топоним *Заломиха* можно объяснить в таком случае как «находящееся за ломами»; *Заломское* — так же; *Заломские Ляги* — это *ляги*, находящиеся *за ломами* (*ляга* — сев. — непросышная лужа, льва, бакалдина, колдобина, ямина с водой, омут в реке. Даль, II, 285).

Зарбдиха, пустошь (Кадн). Ср.: *Зарбодовы Пенники*, пустошь (Тотем); *Верхний Зарбд*, с. (Лешукон). Скорее всего от *зарбд*... — стог, скирд или скирда, большая кладь сена, хлеба, вообще не круглой, а долгой кладки... Остожье с городьбой, место для зарода, род сушила с лесу для просушки снопов... (Даль, II, 629); *зорбд* — сев. — взорд, озорд, зарбд; стог, скирд, кладь сена (Даль, II, 693). Могло быть прозвище *Зарбд*, фамилия *Зарбодов*.

Звбзиха, р. (Тотем). Ср.: *Звоз*, д. (Лешукон); *Звоз*, пож. (Пин). От диалектного *взвоз* — дорога в гору от реки или перевоза; покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого крестьянского двора — оба значения отмечены в севернорусских говорах: архангельских, вологодских, уральских и т. д. (СРНГ, IV, 250). *Взвозиха* — деревня у *взвоза* (начальное *в* отпало; причина дизерезы — трудно произносимое сочетание *взв*).

Калитиха, р. (Тотем). Видимо, от прозвища *Калита*. Ср. *калита* — сумка, сума, киса, мешок, зепь, подвесной карман, торба. (Даль, I, 78), заимствованное из тюркских языков (Фасмер, II, 168).

Из анализа рассмотренных топонимов можно сделать следующие выводы:

1. Лишь 5 топонимов из 23 восходят к именам нарицательным (апеллятивам): *Басиха*, *Байниха*, *Жаровиха*, *Заломиха*, *Звозиха*. Интересно, что все эти апеллятивы исконного, древнерусского происхождения.

2. Один топоним образован от личного имени — *Гридыха*.

3. Основная часть топонимов из рассмотренной группы (17 из 23) образованы от прозвищ.